

Открытое письмо Тимофея Саввича Морозова Феодору Ефимовичу Мельникову.

Г. I. X. С. Б. П. Н.

Дорогой о Христѣ братъ Феодоръ Ефимовичъ!

8 с/м. былъ въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и заходилъ въ старообрядческій институтъ съ цѣлью повидаться и побесѣдовать съ Вами. Но, къ несчастью, не засталъ Васъ и такъ какъ, по всей вѣроятности, мнѣ нескоро удастся попасть опять въ Москву, вслѣдствіе массы работы по дѣламъ службы, рѣшилъ Вамъ послать настоящее письмо. Заранѣе извиняюсь за причиненное безпокойство и надѣюсь, что Вы отвѣтите на него такъ же чистосердечно, какъ я обращаюсь къ Вамъ. Дѣло касается запрещеннаго владыки Михаила. Я не начетчикъ и не знатокъ каноновъ церковныхъ, а простой мірянинъ, но отъ души вамъ скажу съ глубокою горечью и со стыдомъ за старообрядчество прочелъ письмо владыки, помещенное въ № 10 журнала „Старообрядческая Мысль“ за 1915-ый годъ. Надо имѣть жестокое сердце, чтобы не быть потрясеннымъ до глубины души этимъ воплемъ замученнаго человѣка. И поэтому мнѣ кажется, что вопросъ о разрѣшеніи владыки не только можно, но даже должно поднять. Я не принадлежу къ сторонникамъ владыки, такъ какъ его проступки: принятіе единоличнаго рукоположенія и неповиновеніе собору неканоничны, а его враждебность къ покойному архіепископу Іоанну и рѣзкіе выпады противъ послѣдняго въ печати совершенно не гармонируютъ съ духомъ нашей древле-православной церкви. Но за нихъ онъ и понесъ должное наказаніе,—наказаніе, доведшее его до того печальнаго душевнаго состоянія, въ которомъ онъ находится теперь. Былъ судъ, было осужденіе, было и наказаніе, которое продолжалось и продолжается чуть ли не семь лѣтъ, пора, наконецъ, и вспомнить слова Господа нашего Ісуса Христа: „блаженны милостивіи, яко тѣи помилованы будутъ“.

Въ великую годину испытаній, когда кровь нашихъ братьевъ льется рѣкою и когда со дня на день можешь попасть въ ихъ число—, особенно глубоко чувствуешь смыслъ этихъ словъ. Опять повторяю, я не сторонникъ запрещеннаго владыки и вполне согласенъ съ мнѣніемъ отца Алексѣя Старкова, что ему кафедры давать не слѣдуетъ, но думаю, что рѣшеніе этого вопроса не столь важно по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, сколько по своему принципиальному характеру. Обходить этотъ вопросъ, замалчивать его по-моему является преступнымъ малодушіемъ; вѣдь не надо забывать, что вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ владыка Михаилъ сотрудничаетъ чуть ли во всѣхъ древле-православныхъ журналахъ („Старообрядецъ“, „Старообрядцы“, „Церковь“, „Старообрядческая Мысль“, „Слово Церкви“); имя его извѣстно всѣмъ древле-православнымъ христіанамъ нашей великой родины. И для старообрядческаго института онъ не мало потру-

дился и намъ ли, сотрудицамъ этого института, это не знать. Несмотря на это, онъ до сихъ поръ подъ запрещеніемъ. Въ совмѣщеніи этихъ двухъ фактовъ: его широкой дѣятельности на пользу церкви Христовой и его запрещенія есть что то-ложное, и каждый старообрядецъ это чувствуетъ и недоумѣваетъ. Для разрѣшенія этихъ недоумѣній по-моему и необходимо, не откладывая, рѣшить этотъ вопросъ на ближайшемъ соборѣ и, конечно, рѣшить категорически: или простить, памятуя слова Спасителя, потребовавъ, если нужно „исповѣданіе“ или же совершенно исторгнуть изъ сана, какъ лицо, недостойное именоваться старообрядческимъ епископомъ. Всякіе компромиссы, обходы, средніе пути внесутъ лишь рознь и смуту въ Церковь Христову. Прочтя эти строки, дорогой о Христѣ братъ, Вы, вѣроятно, зададитесь вопросомъ, почему я не высказывался по этому дѣлу раньше и выбралъ такое неудобное время, какъ война. Объясненіе сего въ томъ, что при жизни покойнаго владыки Іоанна, столь враждебно относящагося къ владыкѣ Михаилу, это было бы совершенно бесполезно и могло бы лишь принести вредъ церкви Христовой. Не осмѣливаясь осуждать покойнаго и благоговѣя передъ его памятью, тѣмъ не менѣе я не могу не признать его страшнаго упорства въ нѣкоторыхъ вопросахъ — упорства, съ которымъ мнѣ лично пришлось столкнуться. Про этотъ случай я Вамъ, кажется, рассказывалъ или писалъ: дѣло касалось одного бѣднаго крестьянина Воронежской губерніи, который за заключеніе неканоничнаго брака попалъ подъ запрещеніе и со смиреніемъ несъ его около четырехъ лѣтъ. Неоднократно онъ пріѣзжалъ въ Москву и умолялъ владыку его разрѣшить; послѣдній не отмѣнялъ своего рѣшенія. Случайно онъ встрѣтился со мной и разговорился, изложивъ свое печальное дѣло. Я рѣшился поѣхать къ владыкѣ и просить его смилостивиться, однако никакія мои просьбы не помогли: владыка остался непоколебимымъ.

Два года спустя изъ устъ моей близкой родственницы, дамы занимающей довольно видное общественное положеніе, я услышалъ другой рода случай, касающійся ея лично. Рожденная и воспитанная въ старообрядчествѣ она житейскихъ ради выгодъ при замужествѣ перешла въ никоніанство и черезъ три мѣсяца развелась, не только не скрывая этого печальнаго факта, но рекламируя свой разводъ по всей Москвѣ и позоря и высмѣивая мужа на каждомъ шагу. Когда еще дѣло о разводѣ не было кончено, она явилась къ владыкѣ Іоанну и попросила его отслужить панихиду по ея отцѣ и помолиться за нее; пріѣхала на кладбище на автомобилѣ и разодѣтая по послѣдней модѣ. Я предполагалъ, что владыка, соблюдая строгость канонівъ, не только не благословитъ ее, но даже и не впуститъ въ храмъ. Я глубоко ошибся. По ея словамъ, владыка встрѣтилъ ее съ распростертыми объятіями, не только благословилъ ее и ввелъ въ храмъ, но и у себя дома не зналъ куда и посадить ее, какъ дорогую гостью, и въ заключеніе подарилъ ей собственную фотографическую карточку: о переходѣ въ никоніанство, разводѣ и сопутствующихъ обстоятельствахъ, конечно, не было и по-

мина. Однимъ словомъ она осталась отъ него въ восторгѣ и всюду говорила, что онъ очень милъ (извиняюсь, дорогой о Христѣ братъ, Вамъ подобнаго рода выраженія могутъ показаться дикими, но передаю лишь то, что слышала отъ нея лично).

Сопоставляя эти два случая и видя страшное упорство въ первомъ и слишкомъ большую мягкость во второмъ, я вывелъ заключеніе, что въ дѣлѣ владыки Михаила онъ останется непоколебимымъ; вѣдь у послѣдняго нѣтъ ни виднаго общественнаго положенія, ни собственнаго автомобиля. А разъ дѣлу нельзя было помочь, я и рѣшилъ молчать *до времени*, тѣмъ не менѣе неоднократно высказывался за категорическое рѣшеніе дѣла на соборѣ въ личныхъ бесѣдахъ съ А. С. Рыбаковымъ и А. В. Зайцевымъ.

Въ заключеніе сего письма обращаюсь къ Вамъ, дорогой о Христѣ братъ, какъ къ „апостолу старообрядчества“ съ просьбою, высказаться по этому дѣлу; Вашъ голосъ будетъ имѣть громадное значеніе для всего старообрядчества. Я вѣрю и глубоко вѣрю, что Вы не будете, по выраженію Н. Д. Зенина, „прятаться у куточекъ и помалкивать“ и съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта.

Затѣмъ привѣтствую Васъ о Христѣ братскимъ привѣтствіемъ.

Тимошей Морозовъ.

ФАКТЫ и СЛУХИ.

Архимандритъ и табакъ.

Въ Москву возвратился изъ арміи настоятель храма епархіальнаго дома архимандритъ Григорій, ѣздившій на позиціи по порученію комитета „Казачьяго дня“ съ вещами, прибрѣтенными на средства комитета и на частныя пожертвованія. Архимандритъ Григорій посѣтилъ ставку Верховнаго Главнокомандующаго.

Всего роздано было вещей 4 вагона.

— Часть,—говоритъ о. Григорій,—я возилъ самъ на передовыя позиціи, часть вручилъ особо командированнымъ лицамъ изъ казачьихъ частей.

Верховный Главнокомандующій выразилъ благодарность Москвѣ какъ за щедрыя пожертвованія, такъ и за икону—благословеніе города.

Вмѣстѣ съ подарками я одѣлялъ солдатъ и казаковъ крестиками, иконами, книжками духовнаго содержанія, евангеліями, псалтирями и пр. Очень много было роздано мною *кисетовъ съ табакомъ*, чая, сахара и пр. („Г. М.“).

Прилично ли однако священному лицу, да еще иноку, награждать кого-либо табачной отравой, и притомъ ставить ее на одну доску съ иконами, крестами, евангеліемъ и т. д. Одумайтесь, оо., что вы дѣлаете?!